

DIGITAL VIOLENCE AGAINST WOMEN: INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS AND THE CHALLENGES OF DIGITALIZATION

Kamola Komiljonovna Abdiyeva

Lecturer, Department of International Law and Human Rights

Independent researcher, Tashkent State University of Law

abdiyevakamola97@gmail.com

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: gender discrimination; online harassment; privacy protection; due diligence; deepfake content; cyberbullying.

Received: 19.12.25

Accepted: 20.12.25

Published: 21.12.25

Abstract: The article examines the phenomenon of digital gender-based violence in the context of the rapid digitalization of social processes. It analyzes the main forms of online violence against women, including threats, harassment, dissemination of confidential information, publication of intimate materials without consent, and the use of deepfake content, as well as their impact on the enjoyment of women's fundamental rights. Special attention is paid to international legal standards of protection developed within the framework of CEDAW, the activities of UN special mechanisms, and regional instruments, as well as to the challenges of their implementation, particularly in Central Asian countries. The purpose of the study is to systematize the forms of digital violence, assess their consequences for women's rights, and determine the international legal obligations of states to prevent and combat such violations in the digital environment.

АЁЛЛАРГА НИСБАТАН РАҚАМЛИ ЗЎРАВОНЛИКГА КАРИШИ: ХАЛҚАРО ҲУҚУҚИЙ СТАНДАРТЛАР ВА РАҚАМЛАШУВ ЧАҚИРИҚЛАРИ

Камола Камилжановна Абдиева

Халқаро ҳуқуқ ва инсон ҳуқуқлари кафедраси ўқитувчиси

ТДЮУ мустақил изланувчиси

abdiyevakamola97@gmail.com

Тошкент, Ўзбекистон

МАҚОЛА ҲАҚИДА

Калит сўзлар: гендер тенгсизлиги; онлайн таъқиб; шахсий ҳаёт дахлсизлиги; due diligence; deepfake; кибербуллинг.

Аннотация: Maqolada ijtimoiy jarayonlarning jadal raqamlashtirilishi sharoitida raqamli genderga asoslangan zo‘ravonlik hodisasi tahlil qilinadi. Ayollarga nisbatan onlayn zo‘ravonlikning asosiy shakllari, jumladan tahdidlar, ta‘qib, maxfiy ma‘lumotlarni tarqatish, roziliksiz intim materiallarni e‘lon qilish hamda deepfake kontentdan foydalanish holatlari va ularning ayollarning asosiy huquqlarini amalga oshirishga ta‘siri ko‘rib chiqiladi. Maqolada CEDAW doirasida shakllangan xalqaro-huquqiy himoya standartlari, BMTning maxsus mexanizmlari faoliyati va mintaqaviy hujjatlar, shuningdek, ularning, ayniqsa Markaziy Osiyo davlatlarida, amalga oshirilishidagi muammolarga alohida e‘tibor qaratiladi. Tadqiqotning maqsadi raqamli zo‘ravonlik shakllarini tizimlashtirish, ularning ayollar huquqlariga ta‘sirini baholash hamda raqamlashtirish sharoitida davlatlarning mazkur huquqbuzarliklarning oldini olish va ularni bartaraf etish bo‘yicha xalqaro-huquqiy majburiyatlarini aniqlashdan iborat.

**ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Камола Камилжановна Абдиева

*Преподаватель кафедры международного права и прав человека
независимый исследователь ТГЮУ*

Ташкент, Узбекистан

abdiyevakamola97@gmail.com

Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: гендерная дискриминация; онлайн-преследование; неприкосновенность частной жизни; due diligence; deepfake-контент; кибербуллинг.

Аннотация: В статье рассматривается феномен цифрового гендерно-обусловленного насилия в условиях стремительной цифровизации социальных процессов. Анализируются основные формы online-насилия в отношении женщин, включая угрозы, преследование, распространение конфиденциальной информации, публикацию интимных материалов без согласия и использование deepfake-контента, а также их влияние на реализацию фундаментальных прав

женщин. Особое внимание уделяется международно-правовым стандартам защиты, сформированным в рамках CEDAW, деятельности специальных механизмов ООН и региональных инструментов, а также проблемам их имплементации, особенно в странах Центральной Азии. Цель исследования заключается в систематизации форм цифрового насилия, оценке их последствий для прав женщин и определении международно-правовых обязательств государств по предотвращению и пресечению данных нарушений в цифровой среде.

Введение. Стремительная цифровизация социальных процессов последних десятилетий привела к формированию новых пространств коммуникации, в рамках которых трансформируются и традиционные формы гендерного неравенства. Женщины становятся наиболее уязвимыми субъектами цифровой среды, что проявляется в росте масштабов и разнообразия технологически опосредованного насилия. Международные исследования показывают, что от 16 % до 58 % женщин сталкивались с различными формами online gender-based violence, включая угрозы, преследование, распространение конфиденциальной информации, публикацию интимных материалов без согласия и deepfake-контент.

Усиление данных форм связано не только с техническими возможностями цифровой среды, но и с устойчивыми социальными механизмами дискриминации, в рамках которых цифровые инструменты используются как новое средство патриархального контроля. Цифровое насилие приводит к существенным ограничениям реализации таких фундаментальных прав женщин, как свобода выражения мнения (ст. 19 МПГПП), неприкосновенность частной жизни (ст. 17 МПГПП), равенство и недискриминация (CEDAW), участие в общественной жизни и безопасность.

Одновременно формируется международная нормативная база, включающая рекомендации CEDAW, стандарты GREVIO, доклады Специальных докладчиков ООН, положения Стамбульской конвенции и региональную правоприменительную практику. Однако уровень имплементации данных стандартов различается по странам, особенно в Центральной Азии, где цифровое насилие не имеет самостоятельного юридического статуса и не отражено в официальной статистике.

Цель исследования — выявить и систематизировать ключевые формы цифрового насилия, охарактеризовать их последствия для прав женщин и определить международно-правовые обязательства государств по предотвращению данных нарушений в условиях цифровизации.

Материал и методы исследований (Materials and methods)

Исследование базируется на комплексной методологии, включающей следующие элементы:

Международно-правовая база, регулирующая защиту женщин от цифрового насилия, формируется на основе универсальных и региональных договоров, каждый из которых играет ключевую роль в закреплении обязанностей государств. Центральное значение имеет Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW). Хотя её текст прямо не содержит упоминаний цифровых форм насилия, Комитет CEDAW в Общей рекомендации № 19 указал, что гендерно-обусловленное насилие является разновидностью дискриминации женщин (CEDAW Committee, 1992). В обновлённой Общей рекомендации № 35 Комитет прямо включил насилие, совершаемое в цифровой среде, подчеркнув обязательства государств предотвращать, расследовать и пресекать такие формы насилия, а также привлекать цифровые платформы к ответственности (CEDAW Committee, 2017;).

Существенная часть международных обязанностей вытекает из Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП). Статья 17 закрепляет право на неприкосновенность частной жизни, а статья 19 — свободу выражения мнения, которые наиболее часто нарушаются в результате цифрового насилия. Комитет по правам человека ООН неоднократно подчеркивал, что государства обязаны защищать лиц от нарушений прав, совершаемых частными субъектами, включая действия в интернете (UN Human Rights Committee, 2011). Таким образом, МПГПП предоставляет прочную нормативную основу для квалификации цифрового насилия как нарушения прав женщин ( ).

Важным региональным механизмом выступает Стамбульская конвенция Совета Европы (2011), представляющая собой первый документ, комплексно регулирующий предотвращение насилия в отношении женщин. Хотя цифровые формы насилия не выделены отдельно в её тексте, GREVIO в специальном разъяснении 2021 года официально подтвердил, что положения Конвенции распространяются на насилие, совершаемое в цифровой среде (GREVIO, 2021). Орган отмечает, что такие формы, как online harassment, stalking, image-based abuse и deepfake-порнография, входят в сферу обязательств государств. Этот подход подчёркивает необходимость адаптации существующих мер защиты к развитию цифровых технологий (Council of Europe, 2011;).

Дополнительное значение имеет Будапештская конвенция о киберпреступности — первый международный договор, направленный на борьбу с преступлениями в сфере информационных технологий. Она охватывает незаконный доступ к данным, вмешательство в информационные системы, нарушение конфиденциальности информации и её незаконное распространение (Council of Europe, 2001). Большая часть цифрового насилия, включая doxxing, взлом аккаунтов, манипуляцию личными данными и создание deepfake-контента, подпадает под соответствующие статьи Конвенции. В вашем файле подчёркивается, что «цифровое насилие и киберпреступность связаны общими механизмами злоупотребления информационными технологиями», что усиливает значимость Будапештской конвенции для международного сотрудничества.

Системный анализ перечисленных актов показывает, что международное право уже включает инструменты для квалификации цифрового насилия как формы дискриминации женщин и нарушения их прав человека. Тем не менее, применение этих стандартов на практике остаётся недостаточным. В вашем файле отмечено, что «ключевой проблемой остаётся отсутствие национальных механизмов мониторинга цифрового насилия» (). Это подтверждает вывод о необходимости более широкого внедрения международно-правовых стандартов в национальные законодательства, включая законодательство Узбекистана.

Научная доктрина, посвящённая проблематике цифрового насилия и онлайн-мизогинии, оформилась в рамках междисциплинарных исследований, объединяющих гендерную теорию, международное публичное право, цифровую криминологию и социологию. В вашем файле подчёркивается, что цифровые формы насилия являются «трансформацией структурных механизмов дискриминации», что полностью подтверждается современным научным подходом.

Одним из фундаментальных трудов стала монография Даниэль Китрон *Hate Crimes in Cyberspace*, где автор впервые системно описывает цифровое преследование как форму гендерной виктимизации, укоренённую в исторических моделях патриархального контроля. Китрон подчёркивает, что цифровое пространство усиливает асимметрию власти между мужчинами и женщинами, а также требует привлечения цифровых платформ к совместной юридической ответственности — что также отражено в вашем материале, где говорится, что цифровое насилие «усиливает существующие социальные неравенства».

Существенный вклад в научное осмысление онлайн-мизогинии внесла Э. Джейн в работе *Misogyny Online: A Short (and Brutish) History*. Джейн показывает, что цифровые атаки на женщин — не индивидуальные эпизоды, а систематизированная практика, направленная на вытеснение женщин из публичного пространства. Эта позиция

подтверждается вашим файлом, в котором также подчёркивается уязвимость женщин-журналисток и общественных деятелей перед цифровыми атаками.

Особое значение имеет исследование Н. Генри и А. Пауэлл *Technology-Facilitated Sexual Violence and Harassment*, где авторы вводят концепцию *technology-facilitated sexual violence (TFSV)*, охватывающую непрошенную интимную порнографию (NCII), *image-based abuse, deepfake pornography*. Авторы подчёркивают, что цифровое сексуализированное насилие вызывает длительные психологические последствия и является новым инструментом контроля над женским телом. Ваш файл прямо указывает, что NCII и *deepfake*-контент «оказывают разрушительное влияние на личную и профессиональную жизнь женщины».

Дополнительный взгляд развивает Кармен Мантилья в статье *Gendertrolling*, анализируя феномен коллективной цифровой травли, направленной на подавление женщин. Мантилья описывает *gendertrolling* как «координированные цифровые атаки, направленные на устранение женщин из публичной сферы». В вашем файле аналогичные выводы подтверждаются данными о том, что цифровые угрозы нередко приводят к отказу женщин от профессиональной и общественной активности.

Современный подход к анализу *deepfake*-технологий предложен Робертом Чесни и Даниэль Китрон в статье *Deep Fakes and the New Disinformation War*. Авторы показывают, что *deepfake*-порнография представляет «качественно новый уровень угрозы достоинству женщин», поскольку жертва может никогда не создавать интимных материалов. Это полностью совпадает с замечаниями вашего файла о росте *deepfake*-злоупотреблений в странах Центральной Азии.

Юридический аспект цифрового насилия подробно исследуется С. Де Видо в монографии *Violence Against Women's Rights in International Law*. Автор утверждает, что государства обязаны применять *due diligence* к цифровому насилию так же, как и к офлайн-насилию: предотвращать, расследовать, привлекать виновных к ответственности и обеспечивать механизм удаления вредного контента. Ваш файл подчёркивает аналогичную проблему — отсутствие достаточных национальных механизмов мониторинга и реагирования на цифровое насилие

Эмпирическая база исследования цифрового насилия в отношении женщин значительно расширилась благодаря комплексным отчётам международных организаций. Эти данные подтверждают выводы, представленные в вашем файле о стремительном росте цифровых атак и их гендерной специфике.

Серия глобальных отчётов UN Women показывает, что цифровое насилие является одной из наиболее динамично растущих форм гендерно-обусловленного насилия. Согласно данным:

- 38 % женщин сталкивались с онлайн-насилием;
- среди женщин 18–29 лет этот показатель достигает 63 %;
- женщины, занятые в медиа, активизме и политике, подвергаются наибольшему риску.

UN Women подчёркивает, что цифровое насилие приводит к серьёзным психологическим, профессиональным и социальным последствиям¹. Это согласуется с вашим файлом, где подчёркивается эффект вытеснения женщин из публичной сферы .

Совместное исследование ЮНЕСКО и Международного центра журналистики (ICFJ) фиксирует критический уровень угроз:

- 73 % журналисток подвергались цифровой агрессии;
- 20 % угроз перешли в реальные офлайн-атаки;
- 11 % женщин были преследованы физически после угроз онлайн.

UNESCO подчёркивает, что цифровые атаки направлены на подавление деятельности женщин в медиа². Ваш файл подтверждает эту тенденцию и указывает на особую уязвимость женщин-профессионалов, работающих в публичных сферах .

Исследования Pew выявили следующие результаты:

- 41 % пользователей интернета сталкивались с онлайн-домогательствами;
- среди женщин 18–35 лет — 54 %;
- 28 % женщин получали угрозы физического насилия;
- 25 % женщин подвергались cyberstalking.

Pew подчёркивает ярко выраженную гендерную специфику угроз — женщины чаще подвергаются сексуализированным и персонализированным формам агрессии³. В вашем файле аналогично отмечено, что характер цифровых угроз отличается по гендеру и женщины становятся объектом сексуализированных атак .

Европейские агентства EIGE и FRA фиксируют высокую распространённость цифрового насилия среди женщин ЕС:

- 16–23 % женщин подвергались онлайн-насилию после 15 лет;
- среди женщин 18–29 лет — 38 %;
- каждая десятая сталкивалась с угрозами публикации интимных материалов;
- каждая шестая становилась жертвой преследования в социальных сетях.

EIGE подчёркивает, что цифровое насилие имеет «накопительный эффект», снижая участие женщин в социальной и политической жизни⁴. В вашем файле аналогично

подчёркивается, что цифровое насилие формирует «эффект самоцензуры», вынуждая женщин ограничивать публичную активность.

Сопоставление отчётов международных организаций показывает:

- цифровое насилие является глобальным явлением, растущим быстрее традиционных форм насилия;
- женщины значительно чаще становятся жертвами сексуализированных форм цифрового насилия;
- онлайн-угрозы нередко переходят в физическое преследование;
- отсутствие правовой защиты ведёт к массовой недорегистрации случаев;
- цифровое насилие снижает участие женщин в общественной, политической и профессиональной жизни.

Цифровое насилие формирует новую категорию структурной дискриминации женщин, усиливая существующие формы неравенства.

1. Оно нарушает широкий спектр прав женщин: свободу выражения мнения, право на частную жизнь, безопасность, политические и социальные права.

2. Международные стандарты закрепляют обязанности государств по обеспечению защиты женщин в цифровой среде на основе стандарта *due diligence*.

3. Для Узбекистана и региональных государств требуется внедрение специализированных норм, создание институтов мониторинга, развитие механизмов быстрого реагирования и сотрудничества с цифровыми платформами.

4. Цифровая безопасность женщин должна стать ключевым компонентом национальной политики по правам человека и гендерному равенству.

Список использованной литературы:

1. Chesney, R., & Citron, D. (2019). Deep fakes and the new disinformation war. *California Law Review*.
2. Citron, D. K. (2014). *Hate crimes in cyberspace*. Harvard University Press.
3. De Vido, S. (2020). *Violence against women's rights in international law*. Brill Publishers.
4. Henry, N., & Powell, A. (2015). *Technology-facilitated sexual violence and harassment*. Routledge.
5. Jane, E. (2017). *Misogyny online: A short (and brutish) history*. Palgrave Macmillan.
6. Mantilla, K. (2013). Gendertrolling: Misogyny adapts to new media. *Feminist Media Studies*, 15(2), 1–17.
7. Международные правовые документы

8. CEDAW Committee. (1992). General Recommendation No. 19: Violence against women. United Nations.
9. CEDAW Committee. (2017). General Recommendation No. 35 on gender-based violence against women. United Nations.
10. Council of Europe. (2011). Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (Istanbul Convention).
11. Council of Europe. (2001). Convention on Cybercrime (Budapest Convention).
12. UN Human Rights Committee. (2011). General Comment No. 34: Freedoms of opinion and expression. United Nations.
13. EIGE — European Institute for Gender Equality. (2020). Cyber violence against women and girls. European Union Publications.
14. FRA — European Union Agency for Fundamental Rights. (2021). Violence against women: EU-wide survey. FRA Publications.
15. Pew Research Center. (2021). The state of online harassment. Pew Research Trust.
16. UNESCO & ICFJ. (2021). The chilling: Global report on online violence against women journalists. UNESCO.
17. UN Women. (2022). Measuring digital violence against women. United Nations.
18. Flynn, A. (2020). The gendered architecture of online violence. *Journal of Gender Studies*, 29(4), 1–15.
19. Sosa, L. (2017). *Intersectionality in international law: Theories and methodologies*. Cambridge University Press.